

# Философские науки

УДК 130.2

**Золотухина-Аболина Е.В.,**  
доктор философских наук, профессор,  
Южный федеральный университет.

**«Речевая реальность»: особенности онтологии**

**DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-110-121**

*Статья посвящена такой теме онтологии культуры, как специфика «речевой реальности». Автор видит главное противоречие речевой реальности в ее принадлежности к символическим формам культуры при одновременном тяготении быть дублем и представителем эмпирического, повседневного мира. Говорение (живая речь) связана с работой воображения, коммуникативностью, избирательностью средств описания, динамикой дискретных и континуальных форм и т.д., поэтому она всегда вероятностна и как бы зависает между мыслью и практической предметной реальностью, но претендует на слияние с ней. Придать речи полновесность «подлинной действительности», а не пустой болтовни могут, с точки зрения автора, такие механизмы культуры, как принятие, признание и поддержка (В.Б. Мелас), они придают сказанному онтологическую полновесность, благодаря чему повествуемое рассматривается не как «одни разговоры», а как значимые жизненные факты.*

**Ключевые слова:** онтология, речевая реальность, сказанное, наррация, эмпирический повседневный мир, воображение, противоречие.

**Zolotukhina-Abolina E. V.,**  
D. Sci. (Philos.),  
full professor, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences,  
Southern Federal University.

**"Speech reality": features of ontology**

*The article is devoted to such a topic of cultural ontology as the specificity of "speech reality". The author sees the main contradiction of speech reality in its belonging to symbolic forms of culture while simultaneously gravitating to be a double and a representative of the empirical, everyday world. Speaking (live speech) is connected with the work of imagination, communication, selectivity of means of description, dynamics of discrete and continuous forms, etc., therefore, it is always probabilistic and, as it were, hangs between thought and practical objective reality, but claims to merge with it. From the author's point of view, such cultural*

*mechanisms as acceptance, recognition and support (V. B. Melas) can give the speech the fullness of "genuine reality", and not empty chatter, they give the said ontological fullness, thanks to which the narrated is considered not as "one conversation", but as significant.*

**Keywords:** *ontology, speech reality, spoken, narrative, empirical everyday world, imagination, contradiction.*

### ***Постановка вопроса***

Задача этой статьи – хотя бы коротко отметить важнейшие черты, характерные для того образа мира, который создается *человеческой речью* – образа, обладающего в рамках системы культуры *онтологическим весом*, полноценной значимостью и влиянием на жизнь и судьбы людей. Содержание сказанного, вербального, произнесенного – еще не эмпирический факт, но нередко замещает любые факты, побуждает или сдерживает, радуется или пугает. Как известно, словом можно и убить и воскресить, благословение или проклятие всегда выражены в речи, обещания или отказы – это тоже «речевая реальность», достаточно сильно влияющая на нашу жизнь. Разумеется, имеются в виду не только отдельные слова, а «акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» [Кобозева, 1986: 11].

Предлагаемая читателю статья является продолжением темы, которая уже получила развитие в журнале «Вестник МГУКИ» [Золотухина-Аболина, 2023], это тема *онтологии культуры*, в которой бытийствующими на равных оказываются и предметные, и символические формы, тесно переплетенные друг с другом и вписанные в поле жизни и деятельности человека.

Методологическим посылом нашего анализа онтологии речевой реальности (речевой деятельности, взятой в бытийном аспекте) будет позиция питерского философа В.Б. Меласа, который разрабатывает тему признания как связанную с истиной и онтологическим утверждением: «Признание чего-либо или кого-либо – это некий способ присоединения к группе людей, которые признают то же самое. Особенность признания по сравнению, скажем, с открытым вступлением в некоторую организацию, состоит в том, что в этом случае состав и мотивы людей, образующих группу, остаются, в значительной мере, неизвестными. Эта анонимность создает особый ореол истинности, в котором признание выступает под маской знания» [Мелас, 2016]. И позже к категории «признание» добавляются другие важные понятия, которые мы применим в нашем обсуждении темы: «Будем называть восприятие, принятие, поддержку, признание, полагание и предположение категориями, поскольку, как нам представляется, ни одно из этих понятий не является частным случаем более общего понятия» [Мелас, 2019: 62–63]. Стало быть, ключевым моментом «онтологического положения» любого явления в культуре выступит в нашем понимании его *принятие, признание и поддержка* в сообществе как *значимого*. Именно значимость, принятая, признанная и поддержанная неким сообществом, делает феномен культуры *существующим*: заметным,

влиятельным, таким, которое учитывают и с которым считаются. Это касается и самого человека. Так, существуя физически, можно не существовать социально или морально, в то же время, существуя в сфере идеального, можно мощно воздействовать на вполне физические процессы – и наоборот. В данной статье названный подход касается *сказанного, прозвучавшего слова, содержания речи*: как однократной, так и повторяемой, прозвучавшей как в личном режиме, так и с помощью современных СМИ.

Переходя к содержанию нашего маленького исследования, подчеркнем, что будем обсуждать *онтологическую специфику* именно *устной, звучащей речи*. О роли текста в культуре написано немало, ему уделяли внимание многие философские направления XX века, но сейчас хотелось бы поговорить преимущественно о живом говорении, которым занимаются по большей части не философы, а лингвисты [Норман, 2009] или же философы, чьи идеи сливаются с лингвистическими [Сёрл, 1986]. Хотя, разумеется, у устной речи во всех ее видах (монолог, диалог, полилог) есть много общего с письменным текстом самых разнообразных жанров. Обсуждая вопрос, мы будем пользоваться термином «речевая реальность» и субстантивированным причастием «сказанное», по поводу которого можно вспомнить поговорку: «Слово – не воробей, вылетело – не поймаешь». В этой поговорке, как это ни забавно, «вылетевшее» слово онтологически весомей воробья, так как его можно вернуть, а слово (речь, сказанное) становится совершенно самостоятельным феноменом.

#### ***Характерные черты «речевой реальности»***

Приобщенность к речевой реальности начинается даже не тогда, когда человек начинает говорить, а тогда, когда, родившись, он начинает слышать. Звуки речи довольно скоро начинают раскрывать свои значения и смыслы для растущего человека, он осваивает их и принимается производить звучащие смыслы сам, включаясь в создание богатой и бескрайней речевой сферы, которая и совпадает, и не совпадает с тем чувственным миром, в котором функционирует тело. Эмпирическая реальность и речевая реальность соотносятся как частично совпадающие круги Эйлера. Действительно, в языке и речи присутствуют как бы символические дубли вещей и имена существ, названия движений, звуков и красок, хотя эти дубли имеют обобщенный и размытый характер. Но в то же время речь включает в себя *вопросы*, аналога которых просто не существует в самом эмпирическом мире, а также здесь дают о себе знать *повеления, запреты, обещания, выражение сомнения* и прочие моменты, не имеющие непосредственной корреляции в чувственно-предметном опыте. Речевая реальность с ее символической формой и пронизывает предметно-чувственный мир, и надстраивается над ним в качестве самостоятельной онтологической области, отражающей не только предметность, но и все виды функционирования общества – от действий и поведенческих актов до ценностей и тонких переживаний. Это то, что характерно только для человека. Прекрасно пишет о символической функции языка Э. Кассирер: «Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью – волшебное слово, то самое «Сезам,

откройся!», которое позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры. Если человек обладает таким магическим ключом, дальнейшее развитие ему обеспечено» [Кассирер, 1998: 481]. Рассмотрим некоторые черты речевой реальности, постепенно подходя к ее центральному, ведущему *онтологическому противоречию*.

1. Речевая (словесная, символическая) реальность является образно-смысловым, идеальным (внечувственным) аналогом мира, где звучащее слово-символ будит *воображение* и понуждает его спонтанно *дорисовывать* либо зрительный, либо смысловой образ, создавать путем индивидуального варьирования целостную значимую картину. Простой пример: когда нам говорят: «Сейчас за городом дождь», каждый поймет, что сказано, но дорисует *свой* дождь, идущий в некоем конкретном месте и придаст фразе о дожде *свой смысл* – нейтральный, печальный или радостный, поймет это как запрет прогулки или как повеление взять на всякий случай зонт. Это то, что Э. Гуссерль называет апрезентацией, смысл которой он подробно раскрывает применительно к пониманию Другого [Гуссерль, 1998]. Речь – *поле воображения*, и без речи оно невозможно, потому что именно символ со своей неконкретностью и открытостью распаивает двери любым полетам фантазии. Речевая реальность всегда *вариативна* для понимания. Кроме того, смысл, в данном случае дождя, может быть воспринят непосредственно, без любых наглядных представлений.

2. Речь, создающая свою реальность с помощью слов-символов, понятий и метафор, описывает мир всегда *фрагментарно*, не охватывая все тех впечатлений, которые даны зрению и слуху. Любой монолог, описывающий положение дел (да и картина, возникающая в диалоге, где говорящие дополняют друг друга) избирает наиболее важные ключевые характеристики ситуации или предмета. Любая наррация – вновь игра воображения, дорисовка образа. По характеристике «это был здоровенный мужик, лохматый, в черной телогрейке» мы должны до-представить все остальное – цвет глаз и форму носа, штаны и сапоги, и вообще весь предполагаемый, но не данный нам зрительно облик. По этому поводу автор книги «Нарратология» Вольф Шмид отмечает: «Отбор элементов и их свойств создает не только историю, но также перцептивную, пространственную, временную, идеологическую и языковую точку зрения, с которых воспринимаются и осмысливаются происшествия» [Шмид, 2008: 160]. Правда, в отличие от художественной наррации, литературного произведения, нам не приходится в прямом повседневном диалоге рефлексировать по поводу того, чья точка зрения выражена в высказывании – это точка зрения участника диалога, нашего визави, будь она его личной позицией или позицией, некритически заимствованной у других.

Речевая реальность в отличие от предметно-эмпирической при изложении той или иной истории или описании ситуации подвержена также *темпоральным изменениям* – *растяжению или сжатию*. Так, об одном и том же событии можно рассказывать долго и подробно, а можно изложить ситуацию в двух словах, можно назвать основные динамические

характеристики события, предложения, прогноза, а можно расписывать все детали, в том числе, образные и эмоциональные.

3. Речевая реальность *коммуникативна*, в ней всегда *скрещиваются* словесные миры говорящего и слушающего, одного и другого участника диалога. При этом «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Вступая в беседу, предъявляя словесно свою версию реальности, мы можем быть *не поняты*, а наши слова искажены, потому Ф.И.Тютчев и пишет: «И нам сочувствие дается, как нам дается благодать». Речевая реальность, та картина отношений и ситуаций, которые вырисовываются в разговоре, это по существу *интерференция*, взаимное наложение двух разных картин, «вылепленных словом», их синтез, а иногда их конфликт, что часто случается в споре. Это реальность *динамическая*, с отступлениями и наступлениями разных образов и смыслов, это драматическая развертка различных позиций, каждая из которых рисует «свой мир», альтернативный по отношению к только что построенной картине. Большое значение имеет *степень экспрессии, эмоциональность* и выразительность, с которой в живом разговоре «рисуют словом» некую ситуацию.

4. Речевая реальность постоянно прогрессирует и *расширяется в информационном, семантическом отношении*. В ней обычно участвуют не только двое, ведущие диалог, и не только круг, участвующий в полилоге, но и немалое число *слушателей, интересантов и интерпретаторов*. Практически любой монолог или диалог толкуется и трактуется теми, кому он небезразличен, и число интерпретаций способно расти в геометрической прогрессии. Мнения, слухи, сплетни, разнопорядковые суждения, толкования увеличиваются как снежный ком. И чем больше идет время, смывая события, меняя людей, стирая следы произошедшего, тем более способны множиться речевые картины того, что и как было в недавнем (или давнем) прошлом. Вспомним, сколько наговорено (и написано) о практически любом значимом событии – революции, войне, строительстве, а также любом выдающемся и известном человеке: что поделаешь? – сколько голов, столько умов, и ни на один роток не накинешь платок! События или человека уже, возможно, нет на свете, а речевая реальность, озабоченная ими, расцвела пышным цветом. Думал ли, к примеру, Сократ, что более чем через две тысячи лет о нем будут все разговаривать и разговаривать, писать и писать? И в этом смысле он, Сократ, окажется «живее всех живых»? «Таким образом, – отмечает известный семиотик и культуролог В.П. Руднев, – текст – это «реальность» в обратном временном движении» [Руднев, 1996: 12]. В.П. Руднев делает из факта информационного роста текстово-речевой реальности далеко идущие метафизические выводы, но мы остановимся в нашей статье лишь на изложенном описании «*информационной избыточности*» речевой реальности.

5. Речевая реальность, состоящая в первую очередь из слов и имеющая понятийно-символический дискретный характер, дополняется экспрессивно-эмоциональной коммуникацией – участием в разговоре *интонаций, мимики, пантомимы*. Один из основателей конструктивизма в психологии Пол Вацлавик называет эти два типа коммуникации *цифровой и аналоговой*. Он

пишет: «...мы можем ожидать, что содержательный аспект передается цифровым способом, в то время как аспект отношений будет преимущественно аналогичным по своей природе» [Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000: 76]. Речевая реальность, таким образом, создающая относительно *автономную сферу «сказанного и рассказанного»*, расширяется за счет неточных, размытых, эмоционально-насыщенных паттернов, имеющих лингво-прагматический характер, то есть обозначающих посылы для поведенческой практики, но позы не до конца внятные: что означает эта улыбка – симпатию или насмешку? Как понимать это прикосновение – как вежливость или как заигрывание? В чем, собственно говоря, онтологический и этический смысл внезапных слез – это восторг или сожаление? Какое толкование будет адекватным, то есть реалистическим?

6. Речевая реальность может непосредственно *переходить в практическое действие и сливаться с ним*, то есть покидать сферу идеально-символического, оставляя позади себя чисто языковое пространство и становиться «полновесным жизненным фактом». Выше мы уже упоминали в сносках философов-лингвистов, одним из которых является представитель аналитической философии Джон Сёрль. Сёрль разработал представление о *перформативных высказываниях* типа *клятвы, завещания, приказа, постановления*. В своей второй лекции, в переводе помещенной в журнале «Новое в зарубежной лингвистике», он пишет: «... мы намеревались рассмотреть некоторые случаи и смыслы (слава богу, лишь некоторые), когда сказать что-то – значит сделать, когда посредством или в ходе произнесения слов мы что-то *осуществляем*» [Сёрл, 1986: 31] Все остальные лекции Дж. Сёрля, содержащиеся в этом журнале, посвящены тем многочисленным условиям, которые должны выполняться, чтобы перформатив состоялся – *слово стало делом*. Нужно и чтобы существовала конвенция об исполнении перформатива, и чтобы вторая сторона, участвующая в конвенции, не отказалась от него и т.д. Потому что, к примеру, если жених, вступая в брак, говорит «Я согласен», и это означает, что он совершил акцию реального бракосочетания, а невеста отвечает «А я – нет», то слово с делом не сольется, и вместо реального изменения ситуации все закончится *пустословием*. Точно так же клятва может быть очень быстро нарушена, а приказ не выполнен.

Любопытна существенная деталь, которая, тем не менее, отличает речевую реальность от реальности чисто ментальной. Послушаем мнение основателя феноменологической социологии Альфреда Шюца, он отмечает: «...сугубо умственные действия обратимы. Работа же не обратима. Моя работа изменяет внешний мир» [Шюц, 2004: 411]. Итак, умственные действия обратимы, а трудовые акции нет, поскольку вносят реальные изменения в эмпирические предметы. А речь? Какое место занимает она между мыслями с одной стороны, вещами и практикой – с другой? Думается, речь все же ближе к поступку и действию, потому что она – объективированная в словах мысль, которая высылается другим людям и способна воздействовать на представления, настроения, принимаемые решения. Речь – медиатор идеального и материального, двуликий Янус. И, если неверную мысль мы не

обязаны перечеркивать, а можем ее просто «отпустить», то ложное, обманное слово надо «взять обратно». «Беру свои слова обратно» – это значит, нивелирую то действие, которое слово уже оказало или способно оказать.

7. Та речевая реальность, которую мы описали в предыдущих пунктах, выступает как органично связанная с воображением, открытая, постоянно информационно растущая, коммуникативная, пронизанная субъективностью (эмоциями и страстями), изменчивая, сложно переплетенная с эмпирическим культурным миром и практическим действием. Она всегда:

а) *вероятностна и вариативна* в силу своей фантазийности и изменчивости, *но при этом*

б) она неизменно и *упорно претендует* на статус *«настоящей реальности – «действительности»*, той самой, которую мы с вами разделяем в опыте повседневной жизни. Разумеется, кроме тех ситуаций, когда открыто декларируется фикциональный статус повествуемого (сказки, фантастика). Ибо слово, имеющее тенденцию «камнем лечь на сердце», не просто намекает, а кричит, что оно выражает *подлинную общезначимую ситуацию*. Речь своим произнесением утверждает, что она – выражение онтологической истины, онтологической правды, что «все так и есть» или «так и было», *как сказано*. Повествование, не обозначившее собственной фикциональности, утверждает свое слияние с эмпирическим миром, *даже если лжет*. Этим и пользуются вралы и мошенники всех мастей, так расплодившиеся в постиндустриальном информационном мире.

Дело в том, что непосредственно удостоверить соответствие *«сказанного»* общезначимому положению дел (действительности, в которой можно эмпирически убедиться) возможно *далеко не всегда, а нередко и вообще невозможно*. Да, «сказанное» (описанное, утверждаемое, обещанное и т.д.) впечатляет, порой потрясает, часто – мотивирует к поступку, но оно во многих случаях *не проверяемо* в короткий период времени или же требует трудоемких процедур удостоверения и подтверждения.

Приведем хотя бы некоторые примеры «зависания» речевой, словесной реальности между вероятностью ее высокого «онтологического веса» и полной онтологической несостоятельностью:

1. Повествование о прошлых событиях часто не проверяемо, так как прошлое – прошло и нередко не оставило достаточных зримых следов. В этом смысле вполне показательным выражением является: «врет как очевидец». Причем, ложь о прошлом может относиться как к внешним событиям, так и к собственной биографии, о чем хорошо свидетельствует исследование В.В. Нурковой [Нуркова, 2000].

2. Повествования о будущем (проекты, прогнозы, мечты, планы) тем более не проверяемы на соответствие общезначимому эмпирическому миру культуры, потому что то, что в них описывается, то ли воплотится, то ли нет.

3. Излагаемая субъективная картина мира, конкретная смысловая версия событий с ее эмоциями и точкой зрения не проверяема на достоверность и может сравниваться только с субъективной реальностью других людей, выраженной в их словах: «другие тоже так думают и так говорят».

4. Словесное описание человеческих отношений, складывающихся в коммуникации (дружбе, любви, родственных и деловых контактах) не имеет адекватного объективного критерия. Оно, во-первых, требует согласия всех участников общения, а во-вторых, неизбежно упускает из виду множество тонкостей.

Есть множество вещей, обстоятельств, фактов, ситуаций, *недоступных для проверки*, с которыми мы вынуждены *просто согласиться или не согласиться*. Отсутствие объективного, а порой и intersубъективного критерия того, что «сказанное» – это правда, что все «так есть» или «так было», включает *механизмы культуры, выработанные для увязывания «словесной реальности» и «жизненной реальности»* (чувственно данного, повседневного эмпирического мира).

Это – уже заявленные нами в начале статьи *принятие и признание*. Та речевая реальность становится «действительностью» (мы верим сказанному, соглашаемся с прозвучавшим словом), когда она *принята за вербальный дубль эмпирических событий и признана в этом качестве*. Я принимаю и признаю, что в Африке живут крокодилы, что на Руси когда-то была Куликовская битва, что страны глобального Юга намерены дружить с Россией, а также что новое лекарство от бессонницы помогает – мне же похвалила его соседка! Я не могу со своего места и в этот миг проверить все эти повествуемые ситуации на последнюю истинность и онтологический вес, но я могу принять эти сведения и вписать их в мою картину мира в качестве действительных, то есть осуществить *признание их как настоящих, не выдуманных, не фантазийных*. Речевая реальность (как и текстовая) перестает «висеть на подтяжках» между небом и землей, только будучи *признана тождественной реальности повседневного мира*.

Принятие и признание – это придание сказанному (рассказанному, повествуемому) *онтологической плоти*, это акт веры в то, что события, описанные в наррации, действительно происходили именно так, как сказано, что вербальные восторги изливаются по поводу истинного гения, что рекламируемые товары подлинно хороши, а выраженное осуждение и презрение относятся к несомненному негодяю. Содержание речи, до того вероятностное, зыбкое, эфемерное (то ли правда, то ли нет?), эдакий туманный фантазм, наливается тяжестью *несомненного бытия*. *Повествуемое становится таким же фактором повседневного мира, как чувственно воспринятое и актуально пережитое событие*. Вот такой «волшебной палочкой» выступают принятие и признание. Они спускают динамичную, невесомую речь на землю и обращают ее в стабильное, всем внятное, почти очевидное «положение дел». А дальше начинается процесс *поддержки представлений о положении дел, которое признано объективным и правдивым*. Другой вопрос, что иногда из речевой сферы в культуру, созрев, падают самые дикие химеры, тогда Бэконовские «идолы площади» начинают надолго править бал, и может пройти немало времени, прежде чем общество поймет, что *«то были только слова»*.

***Некоторые предпосылки признания и принятия сказанного***



То, что рождено в речевой реальности и намеревается получить статус «подлинной действительности», нередко в большей или меньшей степени с полным основанием подвергается сомнению. Но не любому же слову верить! Сказанное во многих случаях может быть доказано и предполагает доказательства (в особенности там, где речь идет об эмпирических фактах). От сказанного требуют продемонстрировать правдивость, онтологическую полновесность и соответствие невербальному опыту. Или же оно не будет принято, признано и поддержано, не обретет статуса «полноценного бытия» и должно будет отменить само себя в духе: «Я этого не говорил», «Я ошибся», «Меня ввели в заблуждение», «Отказываюсь от своих слов». Обнаруженные ложь и вранье, раскрытый обман перечеркивают принятое и признанное, *отменяют онтологическую реальность картины, нарисованной словом*. В этом смысле всякая разоблаченная ложь как будто *выжигает онтологическую дыру в социо-культурной реальности*: был общепринятый факт – и нет факта! Однако при всех сомнениях и недоверии люди очень многое из сказанного им (услышанного) принимают и признают как действительное. Что предрасполагает нас к этому?

Можно указать значимые *социокультурные причины* онтологизации речевой деятельности, уравнивания ее с «миром как таковым»:

1. Сам процесс социализации, когда ребенок постепенно овладевает человеческим способом поведения, связан не только с личным примером по типу «делай как я», не только с подражанием телесным движениям, но и овладением речью, где картина мира с ее и опасными, и полезными характеристиками дается с помощью слов: указаний, повелений, запретов, обещаний, похвал и порицаний. Приобретение опыта реализуется посредством слова которое приобретает онтологический вес и в родительском поведении, и в собственном столкновении с острыми углами мира: «Говорила же тебе мама, будешь так прыгать, лоб разобьешь!» И ведь вправду разбил! Чтобы адаптироваться к жизни, ребенок должен *принять и признать справедливость слов старших*, их онтологический вес.

2. Вырастая, человек приобщается к традиции и мировоззрению, которые выстраиваются в огромной степени *средствами речевой реальности*: он впитывает повествования об истории страны и народа, знакомится с мечтами о лучшем будущем и проектами совершенствования жизни, ему говорят о Боге, об интересах этноса, о добре и зле. Все ценности, цели, приобретаемые установки непременно проходят фазу *речевого выражения*: слово строит все характеристики того мира, в котором человек живет, страдает и радуется. И он не может все, что ему сказано, подвергать сомнению или все проверять. Он *многому доверяет, признает и поддерживает*, живя среди *воплощенных идей и концептов*. Тем более, что текстовое воздействие продолжается книгами, газетами, журналами, а ныне – текстовой и голосовой сферой Интернета. *Картина мира в огромной степени складывается из сказанного и написанного*.

3. Особое онтологическое значение имеет речь значимых Других, тех, кого мы любим и уважаем. Слово значимого Другого (отца, матери, учителя, друга) почти сразу сливается с представлением о «фактической ситуации»,

воспринимается *как полнота правды*, как реальное положение дел и соответственно предрасполагает нас к определенному типу поведения, согласованному с принятой картиной реальности.

4. В современном обществе работает огромная система пропаганды и рекламы, занятая активной «онтологизацией» конкретных точек зрения. Вся работа и электронных, и неэлектронных СМИ построена так, чтобы их информационные и ценностные послы были *приняты, признаны* «объективными характеристиками» и *поддержаны* – как эмоционально, так и поведенчески. Если мы спешно бежим покупать разрекламированное новое лекарство, это значит, что реклама достигла успеха – некий препарат *принят нами за реальную панацею*.

Можно также перечислить некоторые *психологические предпосылки*, располагающие людей отождествлять речевую реальность и реальность повседневного эмпирического мира, принимать сказанное за объективное положение дел. Это:

1. Большая *любопытность*, которая не может быть достоверно удовлетворена. Во все времена люди, не имеющие возможность надолго отлучаться из дома и путешествовать, верили рассказам «об иных землях», даже если им повествовали, что там живут существа с тремя головами. Познавательная потребность должна получить насыщение, и если она не может насытиться реалистической информацией, то принимается и признается за истину самый абсурдный рассказ, а, быть может, чем он абсурднее, тем скорее принимается за реальность в силу того поразительного воображения впечатления, которое производит. «Иное», «интересное» охотно онтологизируется, поскольку интригует и вызывает ощущение приключения.

2. *Эмоциональная впечатлительность* вообще способствует *доверчивости* и *легковерию*, из которых следует отождествление любого рассказа с реальными событиями и обстоятельствами. Бурное воображение, отталкиваясь от рассказанного, создает яркие картины, радостные или шокирующие, они занимают человека, порой потесняя реальные обстоятельства. Слово «западает в сердце» и переживается как «самая подлинная правда», которую готовы страстно поддерживать. Доверчивый эмоциональный человек легко пугается, когда его пугают, сообщая что-то страшное, для него все «нарративные ужасы» – уже здесь. Он также принимает за истину и признает как реальность сделанные обещания, будет радоваться и хлопать в ладоши, хотя на самом деле еще ничего хорошего не произошло. Примечательно, что доверчивые эмоционалы, определив нечто как «реально существующее», потом зачастую *не хотят отказываться от своей убежденности*, даже если эмпирические события опровергают веру, полученную в результате чужих слов. Им невыносима та «бытийная дыра», которая возникает при практическом опровержении убеждения в реальности желаемого. Доверие к речам – страшная сила, она может *выстроить*

*фантастический мир, всерьез конкурирующий с эмпирической действительностью.*<sup>1</sup>

3. Наконец, важной психологической предпосылкой «онтологизации сказанного» выступает склонность людей видеть в *качестве реальных* позитивные истории, произошедшие с другими, – это дает им самим надежду на лучшее. В своей интересной книге о неопределенности два автора Джон Кей и Мервин Кинг отмечают: «Рассказывание историй – это то, как люди обычно пытаются интерпретировать сложные ситуации. И такое повествование универсально. Бушмены собираются вокруг костра, а жители Манхэттена и Лондона сражаются за билеты на мюзикл "Гамильтон". Люди – прирожденные рассказчики. И люди используют эти истории для принятия решений с помощью аналогий, для проверки аргументации и понимания процессов и фактов, а также для привлечения других людей к сотрудничеству в принятии и реализации хороших решений. Рассказы помогают как в понимании, так и в убеждении» [Кей, Кинг, 2023]. Нарративы о чужих успехах могут быть на самом деле измышленными, но слушатель (или читатель) склонен *принимать их за реальные*, «всамделишные», вписывать их в ход повседневной жизни, признавать их и следовать чужому примеру.

За пределами нашего рассмотрения остается еще множество моментов, способных содействовать слиянию речевой реальности и эмпирического культурного мира.

#### ***Краткое заключение***

Главное противоречие речевой реальности – это ее *промежуточное состояние* между вольным полетом воображения, способного предложить слову любые фантазии, и полноценной онтологией социокультурной действительности с ее трудовыми ритмами, телом, повседневностью, прагматическими устремлениями. Слово то парит над миром, то мечется между выдумкой и «правдой жизни», а теми *якорями*, которые могут хотя бы на время (или же навсегда) слить «сказанное» и полноту культурного бытия, являются *принятие, признание и поддержка*. Если описанная нарративом ситуация принята за «правду», признана и поддержана, она уже *не просто рассказ, а сама жизнь и сама история*. Другой вопрос, что червь сомнения, яд скепсиса, человеческая недоверчивость и подозрительность никогда не дремлют, и любая речь (любой текст) могут быть, образно говоря, *развоплощены* и вновь стать лишь «болтовней», «байкой», «сплетней», «заблуждением» – отправиться из мира полноценной действительности в «мир мнений». Именно поэтому онтологическая спаянность значимого нарратива и повседневной жизни, будучи признана, должна поддерживаться, поддерживаться и вновь поддерживаться – из года в год, из поколения в поколение, из века в век, и тогда «правдивость сказанного» не погибнет, даже обрастая интерпретациями.

---

<sup>1</sup> В предлагаемой читателю статье мы не обращаемся к области фикциональности, где слово и текст создают онтологию иного типа, куда более автономную.

## Список литературы

Вацлавик, Бивин, Джексон 2000 – *Вацлавик П., Бивин Дж, Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб, Речь, 2000. 299 с.

Гуссерль, 1998 – *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб, Ювента, 1998. 311 с.

Золотухина-Аболина, 2023 – *Золотухина-Аболина Е. В.* Онтологический парадокс культуры: виды проявления // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 2 (112). С. 14–23.

Кассирер, 1998 – *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке М., Гардарика, 1998. С. 440–723.

Кей, Кинг, 2023 – *Кей Д., Кинг М.* «Радикальная неопределенность: Принятие решений за пределами цифр», 2023. С. 139. URL: <https://t.me/importknig> (дата обращения: 14.10.2023)

Кобозева, 1986 – *Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 11, 7–21.

Мелас, 2016 – *Мелас В. Б.* Феноменология признания // Логико-философские штудии. Том 13 (№ 4). 2016. URL: <https://lookaside.fbsbx.com/file/melas-2.doc?token=AW> (дата обращения: 14.10.2023)

Мелас, 2019 – *Мелас В. Б.* Проблема существования и принцип дополнительности философских категорий // Логико-философские штудии. Том 17 (№ 1). 2019. С. 62–72.

Норман, 2009 – *Норман Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций, Минск: БГУ, 2009. 183 с.

Нуркова, 2000 – *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 320 с.

Руднев, 1996 – *Руднев В. П.* Морфология реальности. М.: Гнозис, 1996. 207 с.

Сёрл, 1986 – *Сёрл Дж. Р.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986 [1]. С. 22–129.

Шмид, 2008 – *Шмид В.* Нарратология И. М. :Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

Шюц, 2004. – *Шюц А.* Проблемы природы социальной реальности // Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–532.